DOI 10.17223/19988613/36/22

В.Г. Кокоулин

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

(Ответ на рецензию Н.С. Ларькова «Количество без качества, или Снова "в кроссовках по истории"»)

В «Вестнике Томского государственного университета. История» (2015. № 2 (34)) была опубликована рецензия на монографию В.Г. Кокоулина «"Демократическая контрреволюция": Сибирь, Поволжье, Урал (май-ноябрь 1918 г.)» (Новосибирск, 2014). Автор данной монографии признателен известному специалисту по истории Гражданской войны в Сибири томскому историку Н.С. Ларькову за внимательное прочтение книги и все сделанные им ценные замечания, особенно за отмеченные опечатки в книге, которые обязательно будут исправлены при следующем переиздании монографии. Полностью согласен и с тем, что следовало бы упомянуть изданные воспоминания Н.К. Обухова, хотя в своей монографии я обращался к черновой записи этих мемуаров, хранящейся в архивном деле. В книге, посвящённой революции на Алтае, я подробно разбирал, как «препарировались» воспоминания алтайских партизан от переиздания к переизданию, насколько они разошлись с подлинными рукописями, сохранившимися в архивных делах. Признаюсь, что в данном случае этого не сделал, спасибо Н.С. Ларькову, что он обратил на это внимание. Автор монографии весьма благодарен рецензенту также за то, что он выделил серьёзные дискуссионные проблемы, касающиеся не только периода «демократической контрреволюции» в Сибири, но и в целом истории Гражданской войны в регионе. Однако всё же позволю себе не согласиться с некоторыми положениями, которые сформулировал уважаемый томский историк.

Относительно «демократической контрреволюции» Н.С. Ларьков отмечает, что в монографии не затрагивается тема происхождения контрреволюции в Сибири, а также то, что с приходом к власти адмирала А.В. Колчака эсеровская контрреволюция никуда не исчезла, и приводит конкретные примеры деятельности эсеров в 1919 г. Полностью согласен с автором рецензии. Но в данном случае происходит подмена понятий. Я считаю, что под «демократической контрреволюцией» необходимо понимать не деятельность эсеров и офицерских организаций весной 1918 г. и в 1919 г., а начальный период Гражданской войны в Сибири, который ограничивается хронологическими рамками: 25 мая - 18 ноября 1918 г. Ключевым критерием для такой периодизации является коренной вопрос всякой революции и контрреволюции - о власти. До 25 мая в Сибири у власти были большевики, которые занимали доминирующее положение в Советах, а 18 ноября к власти пришёл адмирал А.В. Колчак. Естественно, что данный процесс был неравномерным на разных территориях. Например, в Екатеринбурге Советская власть продержалась почти до конца июля, на Дальнем Востоке - до конца августа, но начало этому процессу было положено выступлением чехословацкого корпуса. А что касается эсеров, то они действовали и весной 1918 г., и в 1919 г., но это уже не «демократическая контрреволюция». Кстати, Н.С. Ларьков понимает «демократическую контрреволюцию», как её понимала М.Е. Плотникова, с которой я в данном случае категорически не согласен. Может быть, в книге и стоило написать о том, откуда взялся чехословацкий корпус, как это советует Н.С. Ларьков, но на эту тему есть достаточное количество справочного материала, и любой заинтересовавшийся этой проблемой читатель может обратиться к общедоступным ресурсам.

Замечания Н.С. Ларькова вызвал историографический обзор в моей монографии. Автор рецензии критикует меня, что я будто бы не знаю работ Д.Г. Симонова, В.М. Рынкова и др., посвящённых данной теме. Хорошо, что Н.С. Ларьков не обратил внимание, что я не цитирую В.И. Ленина, который дал яркую и чёткую характеристику периода «демократической контрреволюции». Разумеется, книги В.М. Рынкова, Д.Г. Симонова и других исследователей мне хорошо известны. Но считаю, что историографический обзор не должен превращаться в перечисление всех относящихся и не относящихся к теме имён исследователей только на том основании, что они что-то писали о данном историческом периоде. Историографический обзор должен выделять то новое, что внесли те или иные авторы в разработку конкретной проблемы. Моя монография посвящена политической истории периода «демократической контрреволюции», и я последовательно рассматривал те монографии и основные статьи, которые развивали только данный аспект изучаемой мною темы, в то время как монография Д.Г. Симонова посвящена военному строительству, а монография В.М. Рынкова - проектам и реалиям социальной политики. Вообще, данная тема имеет и другие аспекты международные отношения, повседневность и т.д. Кстати, если бы Н.С. Ларьков был последователен, то он бы раскритиковал В.Г. Кокоулина за то, что он не знаком с монографией о повседневной жизни в период «демократической контрреволюции»... Разве это не абсурд?!

Н.С. Ларьков критикует меня за то, что я подробно не разобрал недостатки сборников документов под редакцией В.И. Шишкина. Вот что он пишет в рецензии: «По утверждению В.Г. Кокоулина, этому сборнику (посвящённому Уфимской директории. – В.К.) якобы "присущи многочисленные недостатки, которые препятствуют его использованию в научных целях". Между тем "многочисленные недостатки" на деле свелись лишь к двум-трём несущественным, мелочным придиркам на с. 504-505» (С. 125). Давайте, однако, прочитаем, что же пишется на с. 504-505 моей монографии. Позволю себе небольшое самоцитирование со с. 505, выделив ключевой момент: «Имея печальный опыт работы с другим сборником данного составителя (Сибирская Вандея. Новосибирск, 2007), в котором пришлось столкнуться с небрежностью, недобросовестностью составителя при помещении документов в сборник, а также и с прямыми фальсификациями документов (См.: Кокоулин В.Г. Алтай в годы революции, Гражданской войны и "военного коммунизма" (февраль 1917 – март 1921 г.). Новосибирск, 2013. С. 17, 18, 414-416), и, не имея ни времени, ни желания заниматься утомительной проверкой материалов данного сборника и их соответствием архивным делам, я сознательно отказался от его использования в своей работе. Заинтересованный читатель может при желании проделать эту работу самостоятельно». Н.С. Ларьков прав, что если бы я проделал подобную работу и нашёл конкретные недостатки, то избежал бы несправедливых упрёков со стороны рецензента. Но в данном случае Н.С. Ларьков вдруг объявил, что В.И. Шишкин мне «неугоден» (с. 125). На самом деле проблема в том, что В.И. Шишкин фальсифицирует источники, а не в каких-то личных счётах, которых у меня и быть не может. Достаточно посмотреть упомянутую выше мою книгу про Алтай, где сборник документов, составленный В.И. Шишкиным, цитируется десятки раз. Хотелось бы также напомнить, что элементарная проверка подлинности источника является азбукой любого исторического исследования. И ничего личного! Готов поклясться, что если когда-то вдруг В.И. Шишкин напишет монографию хотя бы даже о Временном Сибирском правительстве, то я с удовольствием разберу в своём историографическом обзоре как её положительные, так и отрицательные стороны.

Что касается источников, то, естественно, я согласен с тем, что некоторые из них уже введены в научный оборот исследователями. Однако следует заметить, что во всех случаях я старался сослаться на предшественников, когда приводил полную цитату. Однако если источник у предыдущих исследователей пересказывался, а я приводил его в виде цитаты, то ссылался на первоисточник, в большинстве случаев указывая, что документ приводится таким-то исследователем. Следует учитывать и то, что в отличие от статей, монографии пишутся намного дольше, в частности, свою монографию я начал писать в 2006 г., изучив к этому времени всю доступную мне литературу. За четыре года, пока шёл сбор материалов, выходили многочисленные публикации, которые я по возможности старался учесть в своём исследовании. В 2010 г. книга была закончена и издана пробным тиражом. После этого основной тираж ожидал необходимых для его издания средств. Естественно, что переделать готовый издательский макет уже не было возможности, удалось лишь сделать небольшую вставку во введение и исправить примечания. Поэтому и возникла иллюзия, что я небрежно отнёсся к предшественникам. Кто писал и издавал монографии, надеюсь, правильно поймут ситуацию.

Относительно критики источников Н.С. Ларьков также сделал мне небольшое замечание. Естественно, что все источники подвергались тщательной проверке. Но следует заметить следующее. Например, газетный отчёт о заседании Думы или другого органа власти может не соответствовать реальному ходу заседания, и потому необходимо его сопоставление с другими материалами. Но оценка партийной газеты какого-либо события уже является подлинным источником того, как орган партийной печати выразил своё отношение к данному событию. Всё это тщательно учитывалось, и, может быть, следовало лишь упомянуть, что источники по теме зачастую противоречат друг другу, но утомлять читателя частоколом ссылок и рассказом об исследовательской кухне в монографии мне не хотелось.

Н.С. Ларьков критикует меня за то, что в моей работе соотношение авторского текста и приводимых документов иногда не соответствует неким нормам, а также за то, что почти отсутствуют авторские выводы по параграфам. Рецензент даже проделал большую работу по подсчёту соотношения авторского текста и цитат в отдельных разделах моей монографии. Я согласен, что можно было просто пересказать цитаты – это бы, безусловно, увеличило объём авторского текста. Но зато потерялась бы живость изложения, специфичный стиль документов эпохи, колоритность газетных передовиц, голос живых людей и т.д. А мне этого вовсе не хотелось. Конечно, в нашей стране не было принято так писать монографии. Как правило, это скучный занудный текст, прочитать который даже специалисту по теме зачастую не под силу. На Западе существует такой жанр научных монографий, как документальное повествование, когда исследователь излагает тему, используя текст подлинных источников. В разных книгах процентное соотношение авторского текста и цитат разное, это зависит уже от наличия источников по теме. Мы просто не привыкли к подобным монографиям. Что касается выводов, то здесь также необходимо сделать некоторое пояснение. Н.С. Ларьков, по-видимому, и по возрасту, и по заголовку темы относится к последователям марксистско-ленинской методологии. Но есть и другие методологии, в некоторых из них вообще требуется, чтобы автор не излагал собственную позицию, а приводил только факты без каких-либо комментариев. Признаюсь, что не стою на столь крайней точке зрения. Но, в то же время, считаю, что монография должна отличаться от статьи тем, что в статье излагается какая-то проблема и потому необходимы выводы, а в монографии можно рассказать о каком-то историческом периоде, о событиях и людях, не становясь в ряды защитников или противников той или иной точки зрения. Хотя, безусловно, моя точка зрения проявилась в полной мере в группировке материала и тех авторских ремарках, которые я делал по ходу текста, а не в конце в виде выводов.

Ещё одним замечанием Н.С. Ларькова, с которым категорически не могу согласиться, является критика меня за то, что я в параграфе, посвящённом Уральскому правительству, соглашаюсь с точкой зрения Е.П. Сичинского, ссылаясь на уже опубликованные источники и не вводя в научный оборот новых. Здесь явный перекос. В данном случае следовало бы сказать, что я учитываю наработки предшественников. На эту сторону обращал однажды внимание В.А. Демидов (См.: Демидов В.А. Письмо в редакцию // Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век : межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2004. Вып. 6. С. 169-171), когда отвечал на критические замечания Н.С. Ларькова на книгу новосибирского историка А.В. Добровольского (Ларьков Н.С. Рецензия на кн. : Добровольский А.В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции (1917–1923 гг.). Новосибирск : Наука, 2002. 398 с. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2003. Т. 2. Вып. 2), потому не буду подробно на этом останавливаться, отсылая всех заинтересованных к упомянутым выше письму и рецензии.

И, наконец, философское отступление. Н.С. Ларьков отметил, что пока в изучении «демократической контрреволюции» имеется «количество без качества». Я, признаюсь честно, не совсем понял, что он имел в виду. Насколько я понял, что, например, 4 или, может быть, 5 статей должны перерасти в монографию – это и будет переходом количества в качество. Или, например, 2-3 сборника документов перерастают в монографию - это тоже переход количества в качество? Хотелось бы спросить, кто и где определил, что какое-то количество должно перерасти в качество? Это фактор весьма субъективный. Быть может, на данном этапе исторической науки по данной проблеме куда полезнее нарастание количества, которое и идёт, а новое качество появится, когда придёт время. Но в таком случае лучше идти по истории «в кроссовках», а не в начищенных ботинках и без головы.

В заключение хотелось бы ещё раз поблагодарить H.C. Ларькова за то, что он дал мне возможность высказать своё видение дискуссионных проблем, которые он затронул в своей рецензии.

Kokoulin Vladislav G. Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kwladislaw@yandex.ru LETTER TO EDITION «TOMSK STATE UNIVERSITY. JOURNAL OF HISTORY». ANSWER TO REVIEW: LARKOV N.S. QUANTITY WITHOUT QUALITY, OR SUPERFICIAL KNOWLEDGE OF HISTORY // TOMSK STATE UNIVERSITY. JOURNAL OF HISTORY. 2015. No 2 (34). P. 125–128.